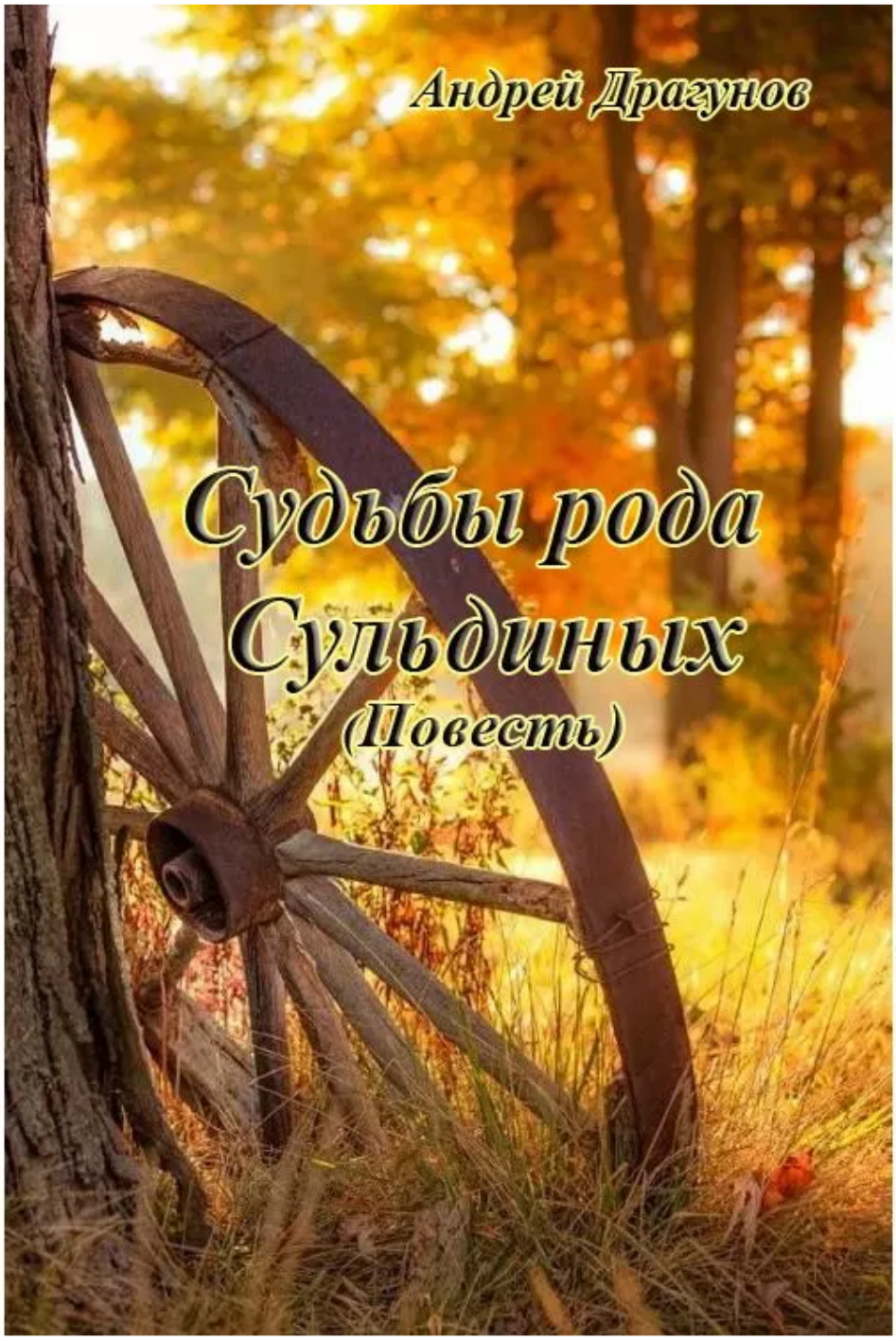

Судьбы рода Сульдиных

Жанр произведения: Проза

Произведение написал автор BookBox Андрей Драгунов

Ссылка на публикацию

Мы со Степаном Анатольевичем Сульдиным работаем в геологии. Он сидит в белом халате за стеклянными дверьми с надписью «Геохимическая лаборатория». В ней на столах, поставленных рядами, возвышаются хроматографы разных марок, масс-спектрометры и другое оборудование со

светящимися панелями, а вдоль стен теснятся белёсые ящики с виалами – небольшими стеклянными сосудами, наполненными подпочвенным воздухом. За всем этим стол Степана так просто не отыскать. На экране его компьютера я всегда вижу одно и то же – пилообразные графики хроматограмм. Глядя на них, Сульдин может определить концентрации до 300 химических соединений в пробах. Ну а я, на основе его данных, получаю геологический результат.

На вид Сульдину лет сорок пять, но на самом деле он старше. Рост у него средний, а глаза голубые, живые. По натуре человек он тактичный и приветливый – люблю я его за это. Проживает Степан в центре Казани, но приезжает и к нам в Дербышки, так как в храме нашем служит иереем его младший брат.

– У тебя и у меня отпуска в августе, Анатолич, – сказал я ему. – А не махнуть ли нам с тобой в Марийский лес? Сосновый бор наш почти такой же, как и ваш Сурский! Ну, дней на десять – только ты и я? Давно я хочу рассказ твой послушать о судьбах рода Сульдиных, и повесть написать.

От нашего села Алексеевского до Благословенных Петъял через лес – рукою подать. А там и храм Гурия Казанского с крестом животворящим Господним, и святые источники. Всё это с Иоанном Кронштадтским связано… Ну, что скажешь?

– Предложение заманчивое, – бодрым голосом ответил он и, расправив плечи, добавил: – Давно я хочу побывать в местах ваших. Мне брат сказал, что есть у вас в селе своя Церковь. Видение там кому-то было: «Вот как вдарил батюшка в главный колокол – все бесы по всей округе так в бездну и попрыгали!» Благословенные, говорит, там места!

Ну, вот и пожили мы со Степаном Сульдиным семь дней на даче. Ходили на озеро Глухое с удочками и в лес за грибами. В воскресенье на его кроссовере доехали до Петъял по песчаной лесной дороге. На службу успели и в родниках искупались. Прохладными вечерами сидели мы с ним на мягком топчане, обитом старыми бурыми шубами, против широкого зева русской печи. В те дни при всяком удобном случае Степан с увлечением рассказывал о временах былых, о своих предках и иногда, как поначалу казалось, совсем отвлеченное. Рассказчиком, надо сказать, он был неплохим. Глядя на желто-алые языки пламени, гуляющие по поленьям, и слушая мерное потрескивание жарких углей, я видел всё, что он говорил, как в фильме.

***

Свой рассказ Степан Сульдин начал так:

– Все роды человеческие одинаково древние, так как восходят к Адаму и Еве. Мы, Сульдины, помним имена и деяния 11-ти поколений предков наших, и даём жизнь поколению 12-му. В основании генеалогического древа нашего стоит Иван Иванович первый с женой Марфой. Жизнь он прожил – ничего вроде особенного, но до сих пор влияет на судьбы наши.

Жил тот Иван Иванович Сульдин в середине 18 века в городе Симбирске Казанской губернии. По сословию был он посадским, а по национальности – мордвин. Рост был у него средний, сложение – крепкое, волосы – тёмные, глаза – карие, голос – басовитый, бороду «в скобку» стриг себе сам. Поначалу носил Иван длиннополый русский кафтан серого цвета, а потом, когда жизнь у него изменилась – посветлей одеваться стал… Жена его Марфа была голубоглазой, словоохотливой мордовкой, весьма хозяйственной. Детей у них было трое: Михей – старший сын и двойня – Степан и Дарья. Церковь с их домом стояла рядом: в неё они и ходили.

О таких людях, как наш Иван первый, говорят: «За что ни возьмется – всё ему удается». По профессии и призванию был он колёсных дел мастером. Телеги и сани тоже делал, но только на заказ. И всё получалось у него таким крепким, что вначале и не скрипело. Свои изделия Иван Иванович сам на ярмарках продавал. В июле в Симбирске была своя ярмарка: в августе они с Михеем гнали две телеги с колёсами за Буинск – на Турминскую ярмарку, а то и далее – на Макарьевскую. Хотел уж было Иван кареты делать, и не какие-нибудь там ременные, а на пружинах – для подрессоривания, да вдруг началась у него другая жизнь.

Хороший товар приносил Ивану Ивановичу первому хорошие деньги. Банков в то время в России не было. Вот и приходилось хранить ему свои кредитки и золотые империалы в одном узле. И как стало у него пятьсот рублей, то они с сыном Михеем понесли узел тот в место присутственное. Там люди чиновные капитал его оценили, и по исполнении всех формальностей внесли его в список купцов III гильдии города Симбирска.

– Вот, Марфа, свидетельство наше купеческое! Теперь мы купцы! Тут и моё и твоё имя, и имена всех детей наших вписаны! – сияя от радости, подал он жене грамоту, связанную верёвочкой, и, перекрестившись широко, басовито добавил: – Снизошла на нас Божья Милость! Теперь жить по чести нам надо, чтобы не отобрал!

И строили в ту пору мужики казённые почтовый тракт третьего класса Алатырь – Буинск, прямо через Сурский лес. Как муравьи трудились они: дерева вековые валили, пни корчевали, холмы срывали, топи песком отсыпали, а через ручьи и

речки настилали бревенчатые мосты. По всему пути, через версту, те мужики поставили полосатые столбы верстовые и через каждые 15-30 верст – хорошие почтовые станции в ограде из жердей. На каждой из них вырос гостевой дом, а также конюшня на 25 лошадей, складские избёнки и навесы, и выкопан был колодец. Тракт тот срезал крюк через Симбирск на 80 верст и тем ускорял доставку почты и людей государевых с древнего Симбирского тракта на большую Московскую дорогу, ведущую вдоль Волги и Камы в Сибирь.

В Сурских лесах в те времена обитали лихие люди. Чтобы защитить новый тракт, генерал-губернатор Казанской губернии отрядил военные команды, и разбойников выловили.

Большая часть дороги Алатырь – Буинск шла по местам красивым. Раскидистые сосны с узловатыми ветвями, многоголосый птичий щебет и ароматный воздух, настоянный на запахах цветов, трав и хвои, радовали путешественников в любую погоду. А так как тракт тот проведён был в основном по песчаной почве, то грязи на нём даже в осенне-весеннюю распутицу не было.

По завершении строительства всего тракта в городе Симбирске был назначен «Почтовый конкурс» для людей состоятельных на откуп почтовых станций. Но так как на места смотрителей станций заявок от сыновей купцов первой гильдии и родовых дворян не было, то губернская комиссия, на основании указа царицы Анны Иоанновны, допустила к делу людей охочих из числа купцов второй и третьей гильдий.

Иван Иванович Сульдин на ярмарки по большим трактам ездил часто, почтовых станций повидал множество. Проезжая мимо, он с интересом рассматривал их и с восторгом встречал и провожал взглядом звенящие бубенцами лихие почтовые тройки, пролетающие мимо с депешами и людьми государственными. Любой из симбирских дворян мог взять в почтовой конторе подорожную и ехать с нею хоть в Санкт-Петербург, хоть в Архангельск или ещё дальше с уверенностью, что на всём пути его будут ждать лошади, олени или собаки, чтобы везти день и ночь к месту назначения. Вот оно, чудо XVIII-го века! Стать частью такого большого и чётко работающего механизма он, конечно же, мечтал, но вот войти в чиновный аппарат возможности не было.

И когда вдруг планка для участников «Почтового конкурса» опустилась, сердечко у нашего Ивана ёкнуло. Но чиновник, выслушав его вопросы, сам спросил:

– А довольно ли денег у вас, господин мой, на станцию? То и купцам второй гильдии не по силам…

Тогда извёлся Иван наш вконец, но так как поделать ничего было нельзя, он смирился и запретил себе думать о том.

И был он в те дни в центре Симбирска. А впереди него шли два господина в черных фраках, с тросточками. Чтобы не обгонять их, он сбавил шаг и поплёлся сзади… И тут до него донеслись слова их, и он навострил слух:

– Да, государь мой, сам я с комиссией его сиятельства работу мастеров принимал. Из всех пяти станций мне более всего Мордовские Тюки понравились. Плотники там лучшие были. Опять же место красивое – опушка соснового бора, и есть ручей, бегущий в Суру. До города Буинска оттуда – всего один перегон. Для нас с вами, государь мой, служба на почтовой станции – это наказание дальше некуда. А вот для купцов второй или третьей гильдий – это редкостный случай выйти в люди. Народ они степенный, старательный: станции блюсти будут. А государыне нашей только того и надобно. Комиссии его сиятельства должно из всех претендентов самых способных отобрать. Все станции победителям конкурса мы отдадим за одну цену. А так как все они народ небогатый, то и с хорошею казённою рассрочкою…

Больше наш Иван господ тех не слушал. Он взял дома свидетельство купеческое и поспешил в присутствие. Там после уплаты пошлины молодой коллежский регистратор снял копию со свидетельства, и задал много вопросов о дорогах, о лошадях и каретах. Всё это Иван наш знал и отвечал кратко идельно. И чиновник ответы его гусиным пером на бумаге записывал. Потом все исписанные листы он положил в один пакет. В список претендентов на станцию Мордовские Тюки Иван Иванович Сульдин внесён был за номером семнадцать.

После того наш Иван пришёл в свой храм, встал перед ликом Спасителя на колени и дал обет…

Через две недели произошло чудо. Губернская комиссия почтовую станцию Мордовские Тюки отписала ему, с рассрочкою платежа на 15 лет! По документам его должность называлась «почт-комиссар». В соответствии с «Табелью о рангах» Ивану Ивановичу первому был присвоен чин коллежского регистратора, коему в армии соответствовал низший офицерский чин! И, кроме того, вместе со службой государевой он получил для себя и всей семьи своей личное ненаследуемое дворянство!!

– Вот, Марфа, какое нам счастье от Бога привалило! – подавая жене откупную грамоту, промолвил Иван и, широко крестясь, добавил: – Пока будем служить Ему правдою… – мы дворяне!!

Самым большим строением на новый почтовой станции Мордовские Тюки был бревенчатый гостевой дом. Он имел высокую крышу, покрытую тёсом, и пять окон со стёклами на фасаде. В ограде станции имелись дощатые ворота. Иван наш на верхней их перекладине первым делом прибил российский герб. На зеленеющем косогоре подле ручья построил он беседку со столом, лавками и дощатым полом. В ста метрах от станции почтовый тракт делал плавный изгиб и уходил в зелень соснового леса.

Всех работников – почтальонов, ямщиков, охранников и других дворовых – Иван Сульдин нанял из крепостных крестьян, отпущенных на оброк, и платил им исправно. Для ямщиков купил он зеленые кафтаны и медные бляхи «почтарей». Пороть возниц за опоздания наш Иван почтовому старосте запретил. Вместо этого он лишал виноватых той меди, что давали господа «на водку почтарям». И потому все работники почитали его за благодетеля и старались ему всячески угодить.

С открытием движения по тракту Алатырь – Буинск людей государевых через почтовую станцию Мордовские Тюки стало ездить много. Дела у Ивана Сульдина пошли хорошо, и для того, чтобы поскорее погасить ссуду, он устроил ещё четыре доходных места.

Прежде всего, он отпускал одному симбирскому купцу денег на приобретение сукна и имел от его продажи прибыль.

Жена с дочкой взялись устроить на станции некое подобие гостиницы. Три комнаты в гостевом доме убрали они «весьма и весьма» и две – попроще. Иные господа в «номерах» жили по три дня и платили за то особо.

В одном из подсобных помещений станции Иван наш оборудовал каретную мастерскую. Для работы в ней он привёз из Симбирска плотника. Мастер тот следил за состоянием всех станционных кибиток и за денежки брался за любой ремонт частных карет, и многим смазывал оси и заменял колёса.

И ещё построил наш Иван Иванович в ограде почтовой станции трактир. Для работы в нём он привёз из Тетюш грузного повара Додо, служившего раньше в дворянской усадьбе. Вот откушают господа в верхнем зале за круглым столом, накрытым белой скатертью, опрокинут стопарик-другой казённой водочки, да и отправятся довольные в путь… Для народа простого в полуподвале трактира был нижний зал. Мещане и совсем бедные пешие путники могли тут тоже что-то покушать. Всем, кто желал, наливали здесь стопки мутной водки из больших зелёных бутылок, разведённой из дешевого буинского спирта. И было там «аглицкое» пиво пенистое, наливаемое «из крантика» в большие глиняные

кружки. Именно трактир приносил основателю рода нашего наибольший доход.

Едва заслышав перезвоны бубенцов почтовой тройки, Иван Сульдин выходил встречать её сам. Каждому пассажиру он кланялся отдельно и говорил:

– Извольте, Ваше высокопревосходительство, и Вы, господа, пройти в конторку.

Там он принимал их подорожные, записывал гусиным пером в «шнуровую книгу» их чины, титулы и имена и получал свои прогонные деньги.

В те времена у господ бытовала присказка:

– Если хочешь в России путешествовать на почтовых, то дай сначала смотрителю 40 или 80 копеек, а затем спрашивай: – «Есть ли лошади?»

Иван Иванович наш, помня данный Богу обет, взяток, конечно же, избегал. Чтобы остеречь от них путешествующих, он ещё на крыльце конторки басовито говорил:

– Есть, милостивые государи, лошади, есть…

А если уж лошадей свежих не было, то он разводил руками и сетовал:

– Что делать, господа?! Лошади должны в конюшне постоять: водицы испить и овса отведать, а через два часа они точно будут. А пока приглашаю вас откушать в верхнем зале трактира или отдохнуть, вон там, в беседке. Ещё можно в зале станционном с книгою посидеть, или заказать комнаты.

Осмотрев в гостевом доме комнаты, путешественники чаще всего говорили:

– Право, голубчик, да я у Вас тут и до завтра останусь. Простите, Христа ради, за сказанное! Это я от усталости… Скажите дворне, чтобы внесли вещи…

А проезжая в другой раз, те же господа спрашивали:

– Здравствуйте, любезный Вы наш Иван Иванович! А нет ли у Вас свободной комнаты?

Постепенно жизнь у Ивана Ивановича Сульдина вошла в свою колею, и он был ею доволен. Однако вскоре на Руси вспыхнул страшный бунт. Яицкий казак Емельян Пугачев объявил себя императором Петром третьим – мужем царствовавшей тогда Екатерины II. Самозванец говорил, что был незаконно отрешен ею от власти за то, что он любит простой народ. Всё это была ложь, но обездоленные крестьяне ему верили…

***

Второй рассказ у огня Степан Сульдин начал так:

Знавал я двух краеведов наших. Один – буинский учитель школьный, а вот второй – профессор из Нижнего Новгорода. Обоих их я расспрашивал о предках наших, живших здесь в VIII-XVII веках. Все ведь мы родом из прошлого.

Мы, мордва – старожилы Среднего Поволжья, да и вообще всей Восточной Европы. Народ наш – русоволосый, голубоглазый и по характеру и одежде похож на славян. Предки мордвы пришли из Ирана, а у славян – с Балкан. Правда, Иван Иванович первый темноволосым и кареглазым был. Но такие среди мордвы тоже встречаются.

Самые древние письменные сведения о нас, «мордовичах», содержатся в первом своде общерусских летописей – «Повести временных лет». Мордовский народ представлен в нём трудолюбивым, мудрым и упрямым. В древности был он суров, и все воины наши прекрасно владели луками.

К началу X века к западу от Сурских лесов находилась славянская Киевская Русь, а на востоке – тюркская Волжская Булгария. Жизнь была тогда суровой. Войны даже между родными братьями-князьями были делом обычным. Но в целом все народы в Среднем Поволжье жили по-соседски, и князья наши, по большому счёту, умели ладить.

Славяне уже в те годы смотрели на восток. На то была, похоже, Божья Воля. Так, в XII веке киевский князь Андрей Боголюбский пошёл в поход на Волжскую Булгарию, одержал победу и увидел сияние, идущее от иконы Богоматери. В благодарность Богу за это чудо он построил за один год Храм Богородичный «Покрова на Нерли» – жемчужину мирового зодчества. А камни для него возили аж из Волжской Булгарии!

В начале XIII века в наших краях появились монголы Чингисхана. Вначале они разорили южные славянские земли и затем пошли на Волжскую Булгарию. В решающей битве победили булгары, и им достались все монгольские обозы с награбленным.

В преддверии второго монгольского нашествия Хана Батыя Киевская Русь и Волжская Булгария заключили военный союз. Ими поставлены были боевые заслоны у восточных границ Булгарии, но монголы все их прорвали. В отмщение за прошлое поражение монголы стали методично истреблять булгар. Большая часть населения Волжской Булгарии переправилась через Волгу и укрылась в лесных чащах в бассейне реки Суры. Впоследствии все племена, жившие там,

перемешались, и так появился новый лесной народ – чуваши.

Вскоре в борьбу с монголами втянулись все народы Среднего Поволжья. Двигаясь на запад, армия монголов протоптала Симбирский тракт. Тучи стрел мордовичей из засад с последующими атаками наносили им серьезный урон. В тех битвах мордва потеряла почти всех князей.

До нашествия монголов все народы Среднего Поволжья были языческими. Да, Киевская Русь была крещена, но она оставалась полуязыческой. Христианство было там обрядовым, с соблюдением субботы. Очевидно, что нашествие монголов на Восточную Европу и разрушение всего прежнего уклада жизни было попущено Богом. В скорбях и лишениях славяне научились жить в Духе Божьем и уповать только на Него. Ну, а потом, познав всю глубину христианской веры, они передали её нам – своим соседям.

Предполагая последующее духовное возрождение Руси, Бог уберёг от разорения её северо-западные земли. До сих пор историки спорят, почему монголы, взяв Торжок и пройдя ещё 100 километров в направлении Новгорода, вдруг повернули назад? Сами новгородцы пишут, что их спас Архангел Михаил… А когда полчища монголов подошли к Можайску, все жители его стеклись к Никольскому собору и стали горячо молиться. И вдруг над городом возникла огромная фигура Николая Чудотворца. В одной руке он держал меч, а в другой храм. Увидев это, монголы устрашились и ушли. С тех пор большие фигуры Николы Можайского вырезают из дерева и ставят по всей Руси в Никольских храмах.

Через 120 лет после второго нашествия монголов преподобный Сергий Радонежский благословил славян на битву с Золотой Ордой, а после победы поднял с учениками своими на пепелищах Руси Киевской – Святую Русь!

Святая Русь была крепка верою во Христа и Святую Троицу. Люди жили годовым кругом библейских событий, все ходили в храмы, исповедовались и причащались. Перед всяким делом они крестились и от сердца просили:

– Господи, благослови!

Перед битвою с Золотой Ордой на поле Куликовом Димитрий Донской преклонил колено перед образом Богоматери. Полки славян, крепкие верою, громогласно восклицали:

– Боже! Даруй победу го¬сударю нашему!

Есть предание, что в битве той страшной многие видели, что на стороне славян бились ангелы. В самой гуще сечи видели также и Николая Угодника, прекрасно владеющего мечом. Дмитрий Донской привёл на поле Куликово 70 тысяч воинов, а Мамай – 150 тысяч. Славяне потеряли тогда каждого третьего воина, а монголы – 8 из 9!!

Вскоре после Куликовской битвы молодой правитель Золотой Орды хан Тохтамыш собрал ещё большую армию, но как раз тут у него разгорелась ссора со среднеазиатским властителем Тамерланом из-за Шелкового пути. И вот две самые великие империи того времени, обе исповедующие Ислам, стали крушить друг друга. Тамерлан у реки Кондурча (к юго-востоку от Симбирска) и у реки Терек в двух трёхдневных битвах разгромил Тохтамыша. На Терек Тамерлан привёл армию в 600 тысяч воинов.

После разорения густонаселённой Золотой Орды и сожжения всех её городов Тамерлан вторгся в русские земли и двинулся на Москву.

Сын Дмитрия Донского, князь Василий, повёл навстречу Тамерлану свою дружину, но остановить такую армаду он не мог. Князь молил Бога, Пречистую Матерь Христову и призвал народ свой держать Успенский пост. Когда чудотворную икону Владимирскую несли на руках из Владимира в Москву, то отовсюду сбегался народ. Люди тянули к ней руки и кричали:

– Матерь Божия, спаси Землю Русскую!

Москва встретила икону огромным крестным ходом. И, не имея ещё вестей от князя, вдруг все возрадовались, так как ощутили отступление от беды.

Тамерлан почивал в шатре и увидел во сне гору. С горы спускались к нему святители с золотыми жезлами. Над ними в воздухе в несказанном величии, в сиянии ярких лучей стояла Лучезар¬ная Дева. Бесчисленные сонмы ангелов окружали Её, и, подняв мечи огненные, все они устремились на Тамерлана… Проснувшись, он трепетал от ужаса.

– Позвать ко мне мудрецов! – крикнул он, и когда те явились, рассказал им свой сон.

– О, великий и высокодостойный повелитель! – кланяясь до земли, сказал один из них, – та Дева есть Матерь хри¬стианского Бога. Она грозит Тебе страшной карою, если Ты отважишься идти дальше в Русские земли…

– Сила Её неодолима… – склонился пред ним другой.

Тамерлан их послушался и повернул армию на восток.

После поражения от Тамерлана Золотая Орда перестала существовать как единая империя. Тем не менее в XIV веке большие конные отряды монголов не раз подступали к Москве. Матерь Божия сама прогоняла их. Враги вдруг сами бросались в бегство от стен города, оставляя изрубленных воинов. Это было странно, так как ордынцев никто не преследовал… Все истории эти столь же сверхъестественны, как сказания о городах Иерусалим и Константинополь.

Казанское ханство являлось одним из осколков Золотой Орды и опустошало набегами русские земли. Два зимних похода на Казань московского царя Ивана Грозного окончились неудачей. Взять её оба раза помешала необычайно ранняя весенняя распутица. Третий и успешный поход он предпринял летом. Казань пала в день великого праздника – Покрова Пресвятой Богородицы. На другой день Иван Грозный сам вошёл в Казанский Кремль и за¬ложил собор во имя Благовещения Пресвятой Богородицы. Первым Казанским архиереем стал архиепископ Гурий, ныне прославленный в лике святых.

Через 26 лет после взятия Казани Бог явил в ней чудотворную икону Казанской Богоматери. Святыня эта сплотила Россию в смутные времена и стала защищать её с востока.

С вхождением Среднего Поволжья в государство Российское распри на наших землях прекратились. Возле рек, в местах тихих, монахи стали строить монастыри. Так как все они являлись центрами благочиния, рядом селились люди, и посёлки эти превращались в города. При монастырях, да и при всех церквях сельских работали церковно-приходские школы. В них дьяконы обучали детей старославянской грамоте, счету и основам христианского вероучения. И так как никаких других школ тогда не было, то знать местная отдавала в них детей своих. Так произошло обрусение всего Среднего Поволжья, и сформировалась общность, имеющая одну веру и один язык.

Во время третьего похода Ивана Грозного на Казань три московских полка шли по Симбирскому тракту и затем по заливным лугам реки Кубни. Воевода Богдан Путилов лугов тех не забыл, и по взятии Казани получил их в дар от царя. И это был царский подарок, поскольку в эру безмоторного транспорта сено было тем же, что бензин для автомобиля. Кто имел заливные луга, тот богател.

На угодья свои Богдан Путилов переселил людей из Центральной России и построил для них храмы, школы и врачебницы. В XVII веке на реке Кубня у села Турминское была явлена Богом чудотворная икона Иоанна Предтечи. К началу XIX века на месте её обретения был построен большой храм из красного кирпича, освящённый в честь Пресвятой Троицы. Каждый год на Троицу, под перезвоны колоколов, стал к нему съезжаться люд православный.

Чтобы понять, почему крестьяне оставляли работу летом и ехали в село Турминское – надо знать, что такое икона чудотворная… Через каждую такую икону на людей нисходит Божественная Благодать! Каждого, кто встаёт перед нею на колени, Сила Божья омывает подобно речным струям, и никто не выходит из-под них прежним. Главное тут молитва – своими словами, о чем болит сердце и что подсказывает совесть. Это невозможно передать, это надо почувствовать…

При большом стечении народа купцы в Турминском делали немалые деньги на провианте и всякой всячине. Со временем торговля та выросла в шумную Турминовскую ярмарку. Перезвон балалаек стоял на ней повсеместно, всюду было веселье. Все угощали друг друга яблоками: крестьяне и ремесленники вели торговлю прямо с телег. Девки нарядные на зелёном лугу перед храмом хороводы водили. То ходили они неспешно, как лебедушки, под звуки жалейки, а то и весело, с притопами и прихлопами. Парни, что жениться надумали – все тут были, и в торговые ряды сватов засылали. И если «продавцы» и «купец» договаривались, то молодые шли в храм Турминовский под венец. В дни ярмарки много пар в нём венчалось.

Седой священник повторял молодоженам слова святой Макрины:

– Одно рождение, одна женитьба или замужество и одна смерть…

***

В следующий вечер Степан Сульдин опять перенёс меня в Мордовские Тюки, во времена Пугачева.

В сентябре 1773 года на станции один дворянин, ехавший в западном направлении, сказал двум другим дворянам, ехавшим на восток:

– Господа, должно быть вы не знаете, но ехать сейчас в Оренбург по личному делу – затея безрассудная! На пограничной реке Яик случился казачий бунт. Там объявился самозваный император Петр Фёдорович, и уже захватил две крепости… Только новый самозванец – это вам не Степан Разин! Скоро придут наши доблестные войска, и наведут порядок.

Однако беспорядки на реке Яик не утихали. На запад через почтовую станцию Мордовские Тюки ехали перепуганные дворяне с женами и детьми, а на восток – всё больше молчаливые офицеры.

Как-то подсел наш Иван в верхнем зале трактира к усатому офицеру-гусару, коротавшему время за бутылкой казённой водки, и спросил:

– Расскажите, милостивый государь, ради Бога, что за Казанью-то происходит?

Офицер налил ещё стопарик, посмотрел на Ивана пристально и сказал:

– Да, государь мой, на Оренбургской линии почти все крепости пали! Только Яицкий Городок да Оренбург держатся… На почтовых по всей Оренбургской губернии проезду давно нет. Самозванец указами своими сильно мутит народ. Вот собрал месяц назад казанский генерал-губернатор тысячные отряды башкир, мишарей, татар и местных казаков, вооружил их, а они все сбежали в злодейскую толпу!

– А где же доблестная армия наша? – с замиранием сердца спросил его Иван.

– Так ведь в Турции, государь мой, в Турции. Третий год лучшие сыны России там воюют! Да если б не война та, то давно бы по всей Империи порядок наведён был. А пока генералу Кару одних только инвалидов присылают. А что с них толку? Гарнизонные наши солдатики только ружьё брать «на караул» могут. А у Пугачева-то яицкие казаки! И командуют ими наши же офицеры – те, кто под страхом виселицы самозванцу присягнули…

В конце зимы по Сибирскому тракту через Казань проехали драгуны из Польши и гусары из Петербурга. А в начале весны два дворянина, ехавшие с востока, объявили в верхнем зале трактира со стопками в руках:

– В битвах под Уфой и под Оренбургом, и во всех других местах Пугачев наголову разбит, и сам едва убёг.

Трактир на почтовой станции в те дни был полон. Все господа, заслышав хорошую новость, заказывали казённой водочки и праздновали победу.

И вдруг та радость сменилась тревогою. К лету пожар бунта вновь заполыхал на востоке и стал приближаться к Волге.

Подойдя в те дни к беседке, Иван наш услыхал от господ следующее:

– Пугачев идёт на Казань с войском то ли в 20, то ли в 50 тысяч. Вооружены они так себе, но в Казани наших войск совсем нет и там паника. Вся надежда на корпус подполковника Михельсона, числом в 10 тысяч штыков и сабель. Сейчас он стоит за Камой и готовится к переправе. Поспеть к Казани ранее Пугачева войска наши никак не смогут… Вся дорога на Нижний Новгород сейчас забита повозками…

В июле 1774 года войска самозванца подошли к Казани с востока. Там, в огромных дербышинских ямах, поросших дубами, берёзами и соснами, они

устроили лагерь. Ставка Пугачева была рядом – в селе Царицыно.

Защищать Казань отважился небольшой гарнизон, дворянское ополчение и гимназисты – всего 1 500 человек. Но этого было слишком мало. Пугачев взял Казань с первого приступа, и один только Кремль отстреливался. По всему городу начались грабежи, расправы над дворянами и пожары. В огне том сгорело три четверти домов и все храмы и монастыри.

Через два дня к городу подошёл корпус подполковника Михельсона и прямо с марша вступил в бой. Решающая схватка состоялась на Арском поле – там, где сейчас располагается городское кладбище. Армия Пугачева была разбита: солдат его полегло без счета и пять тысяч взято в плен. Потери подполковника Михельсона – 100 человек. Пугачев с пятью сотнями казаков бежал: переправился через Волгу и ушёл на Нижний Новгород.

Ещё в Царицыно самозванец объявил, что по взятии Казани он пойдёт на Москву.

Июль – август 1774 года были самыми критическими за всю пугачевщину. К Москве стягивались армейские части, на окраинах её ополчение строило укрепления. В ставку командования прибыла императрица Екатерина II, чтобы лично возглавить армию.

Победу над Пугачевым под Казанью в трактире станции Мордовские Тюки никто не праздновал. Все понимали, что отряды разбойника рыщут рядом. Седой дворянин, проехавший одним из последних в тот год по тракту, прогуливаясь с нашим Иваном Ивановичем вдоль ручья, сказал:

– Вот увидите, государь мой, нынче Пугачев на Москву не пойдёт! Есть тому две причины. Первая – с одними крестьянами ему супротив регулярной армии не устоять. Вот если б у него казацкой конницы довольно было – тогда другое дело… А вот, извольте, вторая причина. Где, вы думаете, наше родовое дворянство золото хранит? Да в монастырских подземных кладовых! Редкий разбойник и вор монастырь ограбить не побоится. А Пугачёв не боится… Вот поглядите. Все монастыри стоят подле рек. И самозванец водит войско своё вдоль рек. Там он сокрушает монастыри и раздаёт по-царски наше золото своим подданным! Да кто бы без того ему служил бы?… И вот, для того чтобы на трон Царский сесть, нужно Пугачеву войско казацкое донское. И потому пойдёт он сейчас не на Москву, а на реку Дон, и не где-нибудь, а здесь – вдоль Суры…

И действительно, сформировав ядро новой армии, Пугачев двинулся на чувашский Курмыш, что находится в низовьях реки Суры. Город сдался ему без боя. Всех офицеров и солдат инвалидной команды Пугачев велел повесить, а воины его в соборе все иконы искололи штыками. Вот так пламя Пугачевского

бунта полыхнуло вновь. Два-три пугачевца подымали волость, маленькая шайка – уезд. Где чьи подданные – не знал никто…

Вскоре конные отряды Пугачева вошли в город Алатырь.

Всё движение на почтовом тракте, идущем через Сурский лес, прекратилось. Смотрители почтовых станций, расположенных к западу от Мордовских Тюков, погнали караваны груженных вещами кибиток на Буинск. Иные из них останавливались у трактира и с горячностью говорили:

– Уходите на Казань, люди добрые! Сия дорога ведёт в зерновые Тетюши. Разбойнику провиант нужен, чтобы кормить армию, и потому он пойдёт здесь! А оттуда уж на Симбирск двинет!

Иван Иванович наш в те дни ожидал самого худшего. Жену и младших детей он отправил с караваном своих кибиток к родне в Чибирчи, в сторону Казани. Сам же он бросить станцию никак не мог.

Ещё до отправления кибиток Иван велел сыну Михею собрать у конторки всех работников – трех почтальонов, двух сторожей, конюшенного, плотника и повара. Выйдя на крыльцо, он сказал:

– Опасность от разбойников велика. Не желаю я принуждать никого. У вас есть выбор. Вы можете уехать с ямщиками или остаться со мною тут. Станцию надобно от разграбления уберечь. У меня вот пистолет есть. С ним, да с вашими топорами и вилами мы и от пяти разбойников отбиться можем. А если они с Алатыря валом пойдут, то нас лес укроет. Ну, кто из вас останется тут со мной?

– Я с тобой, тятя, – сказал сын.

Сторожа и почтальоны посмотрели друг на друга, закивали, и конюшенный по имени Богдан звучно сказал:

– Как скажешь, барин! Все мы с тобою крепко связаны.

– И мы с тобой будем, – сказал стоявший с поваром плотник.

– Хорошо, я сего не забуду! – оглядев их, сказал Иван и, указав рукою на место, где дорога уходит в лес, добавил: – В сторону Алатыря глядеть вон с того холма придорожного будем. А путь на Буинск и всю округу с крыши конюшни хорошо видно.

Первая ночь на опустевшей станции после отъезда ямщиков прошла спокойно. А во второй день утром сторож, стоявший на крыше конюшни, завопил:

– Всадники скачут! Всадники!! Всадники, из Буинска!

Все станционные работники тотчас же высыпали во двор кто с топорами, а кто с вилами. Иван Иванович наш в холодной решимости взял пистолет и встал на крыльце конторки.

Прямо перед собою на тракте он увидел небольшую конную колонну, идущую рысцой. Все всадники были одеты в синие камзолы с красными воротниками, у них были черные шляпы, высокие черные сапоги и светлые штаны из лосины. Почти у всех у них торчали из-за плеч приклады ружей. И Ивана тогда охватила радость. Конечно же, это были правительственные войска и не иначе – драгуны. Маловато их только было. В колонне той Иван насчитал всего одиннадцать шеренг по трое. Кроме того, впереди ехал всадник без ружья, и замыкал её ещё один необычайно рослый воин.

Все кавалеристы, не сбавляя скорости, въехали на почтовую станцию и по отмашке командира все разом натянули поводья и остановились. Командир их был чернобровым красавцем средних лет, с большими усами и бакенбардами. Он подъехал прямо к крыльцу конторки и, коснувшись пальцами правой руки краешка шляпы, сказал:

– Честь имею, секунд-ротмистр Яковлев! Командор второго эскадрона Смоленского драгунского полка!

– Честь имею, – басовито сказал наш Иван, неловко поднимая руку, и добавил: – Сульдин я, смотритель почтовой станции.

– Славно-славно, господин смотритель, что мы Вас тут застали. По всему тракту почтовые станции стоят брошены. А у Вас и пистолет есть и ополчение, на вратах герб российский! По всему видать, боевой Вы прапорщик! Хорошо, очень, очень! – распрямившись в седле, с лёгкой улыбкою промолвил офицер. Затем легко спрыгнув с коня, он добавил: – Я получил приказ подполковника Михельсона встать со вторым эскадроном Смоленского полка на Арзамасском тракте, у опушки леса, заставою и стоять крепко. И приказ мы выполним. А вот это и есть наш второй эскадрон. После турецкого похода пополнения не было…

Секунд-ротмистр ещё раз махнул рукою, все драгуны спешились, и он произнёс:

– Вы, сударь мой, по военному времени – прапорщик от инфантерии. Потому могу приписать Вас по чину с людьми Вашими в мой эскадрон фуражирами.

– Так я, государь милостивый, охотно, всё сделаю! – приподнял руку Иван.

– Вот и славно! – вновь улыбнулся секунд-ротмистр. – Тогда извольте принять всех нас на постой и довольствие! И пристройте в своих конских апартаментах коней наших, с полагающимся им довольствием. Вы только поглядите, какие красавцы! Это же племенные орловские рысаки! Я доложу о Вашем назначении по команде, но на покрытие расходов от полковой казны не надейтесь. В Валахии наш генерал сказал так:

– За верность Императрице и Отечеству, и паче того – за доблесть, воздаст Бог!

Иван наш тогда отметил, что все драгуны были крепкими и сноровистыми, и говорили меж собою спокойно, без тени тревоги в глазах.

Завидев конюшенного, он крикнул:

– Богдан, подь сюда! Коней всех воинских в конюшню прими. Сенца не жалей и дай всем овса.

Потом пошёл в трактир и сказал повару:

– Готовь, Додо, для драгун борщец да солянку! И солдатам всем перед ужином по стакану водки из бутылей зелёных наливай. А чтобы и мяса вдоволь было, вели заколоть бычка.

– Так Вы, господин, в Турции воевали? – спросил тогда Иван секунд-ротмистра.

– Да-с, голубчик мой, воевал. У нас, у драгун, одна задача – успевать там, где не могут успеть другие. Вот заняли мы сейчас самую выгодную позицию. И теперь Пугачев так просто через лес не пройдёт… Но если свора его прорвётся, то станцию сию они сожгут. За один герб сожгут…

Подойдя к воротам, Иван-Иванович наш посмотрел на герб, постоял немного и снимать не стал.

После обеда в трактире секунд-ротмистр увёл драгун конным строем по тракту в лес. Они взяли с собой все топоры, что на станции нашлись.

Ещё до захода солнца солдаты вернулись, и секунд-ротмистр Ивану нашему сказал:

– За поворотом тракта, где ольшаник стоит непролазный, мы дорогу соснами завалили. Там я оставил пост. А на смотровом бугре вашем солдаты пожелали поставить крест всем нам. Ведь ежели по тракту всё войско Пугачева двинется, то нас хоронить будет некому… Вон они, в лесу сухую сосну рубят…

На холме перед лесом, в вечерних сумерках, солдаты подняли большой белый крест. Перед ним встал на колени секунд-ротмистр, потом все драгуны, затем наш Иван Иванович с сыном и станционными работниками, и все стали молиться про себя…

Вдруг в темноте перед крестом появился светлобородый старец с большим светлым крестом на груди. Все увидали его и стали подниматься.

И человек тот бархатным голосом произнёс:

– Слава Богу, солдатушки, что вас я встретил. Иерей Владимир я, священник храма Успения Божьей Матери села Богданово Буинского уезда. От разбойников убегаю. Без дороги два дня через лес шёл. А как вышел, гляжу – вы крест поднимаете. Не иначе думаю, Бог меня к Вам вёл! Посему, солдатушки, хочу делу вашему послужить!

Тут вот у меня за пазухой икона-алтарница – список с чудотворной иконы киевской! Когда в лавре Киевской пожар случился, то император Петр I спросил прежде: «Цела ли икона чудотворная?» Ну, та икона Богородицы, у которой он перед Полтавою молился. А услышав, что она сохранилась, воскликнул: – «Итак, все сохранилось!» Вот она, ало-золотистая – «Киево-Печерская, Успения Божией Матери»!

– Благослови, батюшка… Благослови… Нам как раз тебя, батюшка, не хватало! – окружили его драгуны.

Благословив всех, батюшка водицы из деревянного ковша испил и сказал:

– Дайте ещё ковшик…

И тогда принесли ему станционные целое деревянное ведро. А иерей Владимир зачерпнул из него воды и стал молиться. Потом он достал откуда-то серебряный крест, и трижды обмакнул конец его в ковшик. Солдаты подали священнику пучок стеблистых трав, и он стал брызгать на крест водою, говоря:

– Освящается крест поклонный во Славу Божию! Да не пройдёт по дороге сей враг! И да будет он вместилищем силы благодатной!

У подножия поклонного креста иерей Владимир поставил на чурбачок свою икону и негромко сказал:

– Тут я исповедь принимать буду. Ну, кто тут есть рабы Божии, подходи…

Михей принёс и зажег перед иконою той лампаду. В свете её, под звёздами небесными, покаяние Богу принесли все.

Когда наш Иван повёл священника в гостиный дом, тот с болью великою сказал:

– Ох, и лютуют разбойники на реке Сура! На лошадях в церкви они въезжают, по иконам стреляют и даже гвозди вбивают в образ Христа… Всем людям служилым и дворянам разбойники говорят: «Присягни великому государю императору Петру Фёдоровичу!» Иные присягают, а тех, кто не присягнёт – вешают. С духовенством разговор тот же. Да как же нам можно самозванца помазанником божьим называть! Ведь это же смертный грех! Вот и висят батюшки на дубах придорожных по всей Суре, где один, где по два, а где восемь сразу….

Иван Иванович со свечою проводил священника и секунд-ротмистра в их комнаты.

И командир драгун тогда сказал:

– Хороший знак, что батюшка сам к нам из лесу вышёл и далее не идёт. Есть, значит, и на нас промысел Божий! Ну, самозванец, теперь держись!

И на другой день утром прискакали из лесу двое драгун.

Секунд-ротмистр, стоявший во дворе, сразу увидел их и звучно крикнул:

– Эскадрон, к бою!

– Ваше благородие, по тракту идёт враг! – доложил один из постовых. – Две сотни, должно быть. Впереди казаки – десятка три, ну и сброд всякий с копьями и луками. Они рядом с завалом нашим ольшаник рубят! Быстро управятся!

Через минуту сеукнд-ротмистр увёл эскадрон свой галопом по тракту в лес.

Иван и все его почтари залегли у поклонного креста и стали глядеть в лес. До поворота на дороге не было никого.

Вдруг до них донёсся разрыв гулкий… Потом раздались выстрелы и команды:

– Первая шеренга в пояс! Вторая приступи! Третья в стремя! Задняя – пли!… Вторая – пли!… Первая – пли!…

Потом раздался второй гулкий взрыв! Затем третий и команда:

– Шпаги! Марш-марш!!

Какое-то время в лесу раздавались крики и частые пистолетные выстрелы. Затем всё разом стихло.

Через час строй усталых драгун въехал на станцию.

Потом сеукнд-ротмистр рассказал Ивану Ивановичу:

– Как условились, гренадер наш прежде одну бомбу казакам под ноги метнул. Ещё с десяток мы залпами из ружей положили. Потом он ещё две бомбы в самую гущу их бросил… Кого мы догнали – тех порубили. Большинство копья бросили и по лесу разбежалась. Я вот этой шашкой наградной двоих в рубке завалил. А у нас ни потерь, ни царапины даже нет. Вот она – школа генеральская!

– А как зовут генерала вашего? – спросил Иван.

– Так откуда ж вам знать его, батенька? – улыбнулся офицер. – Молод он ещё, генерал наш. Его и в столице мало кто знает… Граф это Александр Суворов! Службу драгун он во всех тонкостях знает: сам ведь драгунским Тверским полком командовал. Недавно он генерала-поручика получил и не иначе аншефом станет. Штабные говорят, что Государыня ещё зимой указ подписала направить генерала Суворова на подавление Пугачевского бунта. Но генерал-фельдмаршал Румянцев пока его при себе держит. Как только турецкий султан договор подпишет, тогда Суворов тут будет, и Пугачеву – крышка!

Глядя на драгунских коней-красавцев, Иван Иванович думал: «Таких-то рысаков на реке Кубне не видали. Вот бы купить там луга заливные и рысаков орловских…»

Таких офицеров славных, как штабс-ротмистр, Иван первый ещё не видал. Он любовался им украдкой и мечтал, чтобы и в его роду были бесстрашные офицеры.

На лесной дороге драгуны подготовили другую засаду, но пугачёвцы по ней более не хаживали. А через три дня всё воинство Пугачева оставило Алатырь и ушло вверх по реке Суре. Вскоре в тот город вошли регулярные войска.

Поскольку боевая задача была выполнена, секунд-ротмистр увёл свой эскадрон на соединение с ними по тракту через Сурский лес.

Перед отправлением он, пожал перед конным строем Ивану руку и сказал:

– Вот и закончилась Ваша служба, господин прапорщик! Должно быть, скоро уже побегут по этой дороге почтовые тройки. И даст Бог, я к Вам на одной из них приеду…

Иерей Владимир пожил на станции ещё с недельку, а когда первые ямщики вернулись, то Иван наш сам отвёз его в село Богданово. И надо сказать, храм его почти не пострадал… Садясь на станции в кибитку, священник сказал:

– Икону мою алтарницу я вам у креста оставлю. Только вы ей столик, крышу и стеночки с трёх сторон сделайте, чтобы придорожная часовенка получилась. В центральных губерниях таких много… И маслица в лампадку подливайте…

Во всём Среднем Поволжье один только тракт Казань – Симбирск, проходивший между рекой Волгой и Сурскими лесами, остался от пугачевцев чист. Один из конных отрядов самозванца всё же вышел на него: он ворвался в Симбирскую Ишеевку с севера, но был порублен подоспевшими гусарами. Больше недели пугачевцы пытались пробиться в Симбирск с запада, по Симбирскому тракту. Но заслон в Урено-Карлинской слободе отбил все атаки. На этом рубеже пали два военных коменданта Симбирска.

Пугачев бросать основные силы на Симбирск не стал, так как было видно, что город не сдаётся, а на осаду времени не было. По пятам за ним походным маршем шёл корпус подполковника Михельсона, разгромивший его под Казанью.

Михельсон настиг его армию в августе 1774 г. и практически без потерь разгромил во второй раз, на севере нынешней Астраханской области. Сам Пугачев бежал, но свои же сподвижники и предали его.

Генерал Суворов прибыл в район боевых действий к «шапочному разбору», и с охотою взял на себя нелёгкую задачу отконвоировать плененного Пугачева в Москву.

– Господу угодно было наказать Россию через мое окаянство! – поднимая перст, заявил Пугачев Суворову.

– Знаем мы, чей ты перст! – ответили ему. – В Москву ты поедешь в клетке, как обезьяна! И суп есть будешь одними перстами!

На конвой тот много раз нападали недобитые пугачевские отряды и кочевники. Один адъютант Суворова был убит, другой – ранен…

Суд приговорил Емельяна Пугача к лютой казни через четвертование. 10 января в Москве он был казнён. Но так как самозванец сказал: «Каюсь Богу, всемилостивейшей государыне и всему роду христианскому», то Екатерина II явила милость, и ему усекли только голову.

Вслед за тем Императрица объявила амнистию участникам бунта, но никто не сложил оружия. Крестьянская война продолжалась. И вот тогда в охваченные

бунтом губернии были посланы карательные отряды для проведения массовых казней. К лету 1775 года на всей территории Российской Империи был наведён порядок.

Из-за беспорядков и повсеместного разорения до весны 1775 года движения почтовых троек по тракту Алатырь – Буинск не было. Иван Иванович со всеми работниками охранял станцию Мордовские Тюки, но никто на неё не напал.

В те месяцы Иван Иванович со станционными мужиками поставил подле поклонного креста бревенчатую часовенку с резной дверью. Часовенка была построена так, чтобы огонёк был виден с лесного тракта. Подставка для иконы была выпилена из комля сосны и отполирована до блеска. Рядом с часовней посадили они три берёзки плакучие и поставили две массивные лавки из полубрёвен. Здесь впоследствии в тени листвы подолгу сидели пешие странники, а ямщики с пассажирами останавливались и крестились.

***

В другой вечер, присев у огня, Степан Сульдин рассказ начал так:

– Вот ещё одна очень необычная история, произошедшая на станции Мордовские Тюки конце августа 1775 года. Сведений, как-то подтверждающих её, в Интернете нет. Но так как это давнее семейное предание, то его стоит рассказать.

Должно быть, некий высокий чин в Москве доложил Екатерине II следующее:

– Ваше Императорское Величество! Пугачевский бунт искоренён полностью! Все сподвижники Пугачева повешены или сосланы на каторгу! Все крестьяне усмирены. На всех дорогах Российской Империи сейчас так же безопасно, как в Вашем саду…

Екатерина II не могла не ощущать вины за то, что оставила без защиты Казань. А ведь там были её друзья. Что с ними сталось?… А город Симбирск, со всем его казнокрадством? Но все симбирцы отказались присягать самозванцу, и остались ей верны! Их город был единственным на всей Средней и Нижней Волге, что смог выстоять против Пугачева и уцелел!

Ровно восемь лет назад, на пятом году царствования, Екатерина II предприняла путешествие по Волге, чтобы познакомиться с отдалёнными губерниями. Для этой цели была построена флотилия из четырёх галер. И плыли они от города к городу вдоль высоких волжских берегов, каждая с двумя огромными треугольными парусами белого цвета. Впереди всегда шла императорская

галера «Тверь».

Майским вечером 1767 года галера «Тверь» подошла по высокой воде к Тайницкой башне Казанского Кремля. У самой пристани Ее Величество ждала карета длиною в семь метров, запряженная в 8 лошадей. Задние колеса её были выше императрицы. Вся карета поражала изяществом форм, внешней росписью, выполненной в игривом французском стиле рококо, и внутренним убранством. В сопровождении трёх десятков кавалергардов в синих мундирах с красными отворотами Екатерина II въехала в Кремль и остановилась у собора Благовещения Пресвятой Богородицы, заложенного царём Иваном Грозным.

Императрица написала графу Н.И.Панину:

– Мы вчера ввечеру сюда приехали и нашли город, который всячески может слыть столицей большого царства. Прием мне отменный. Четвертую неделю видим везде одинаковую радость, а здесь ещё отличнее! Здесь триумфальные ворота такие, лучше которых я ещё не видала…

А в дневнике своём она сделала такую запись:

– В Казани мы могли бы, если бы хотели, танцевать в течение месяца на девятнадцати балах. Когда мы увидали это, то потеряли желание возвратиться в столицу, и не будь к тому необходимости, не знаем, чем бы кончилось дело…

Двигаясь далее вниз по Волге, Императрица прибыла в Симбирск.

Сульдины Иван и Марфа жили тогда в Симбирске и встречали императрицу в толпе народа на спуске Старый Венец. Императорская флотилия под треугольными парусами подошла к городу; галера «Тверь» подгребла длинными вёслами к новой пристани. От неё до Троицкого собора было постлано алое сукно. Императрица изволила шествовать по нему. Затем Екатерина II поехала в Петропавловский собор, построенный на том месте, где в 1722 году стоял шатёр Петра I. В ограде его она посадила кедр.

Но на второй день пребывания в Симбирске Екатерина II получила тревожное письмо о болезни цесаревича Павла Петровича. Приказав подать карету, она тотчас же отправилась в ней по Симбирскому тракту в Москву, через Алатырь, в сопровождении нескольких других карет.

А на станции Мордовские Тюки через восемь лет произошло вот что.

В начале сентября, ближе к вечеру, со стороны Алатыря на станцию быстро въехала черная дворянская карета, запряженная тройкой взмыленных гнедых лошадей. Следом за каретою на станционный двор въехало пять молодых

офицеров в серых дорожных плащах, все при пистолетах и шпагах.

Иван Иванович бросился к карете, но один из тех молодцов его опередил и первым открыл дверь.

Из кареты, приняв его руку, тотчас вышла бледная госпожа в сером дорожном платье, с белой накидкою на плечах и блистающим бриллиантовым ожерельем в руках. На Ивана дама внимательно поглядела, нервно теребя ожерелье, и негромко сказала:

– Я императрица Екатерина! За мной погоня! Подайте лошадей!

Иван наш узнал в ней императрицу, так как сам видел её в Симбирске на спуске Старый Венец, и с поклоном отчеканил:

– Будет сделано, Ваше Величество!

Стоящим тут своим ямщикам он тут же указал на загнанных коней и сказал:

– Распрягай!

И едва те отвели от кареты коней прежних, как они с конюшенным Богданом и двумя другими ямщиками подвели трёх самых лучших коней, также гнедой масти.

А один из ямщиков станционных принёс кучеру императрицы охапку верёвок крученых и ремней кожаных разных. И когда тот отбирал нужное, он тихо спросил:

– Да кто ж, любезнейший, за Вами гонится?

– Да конные разбойники Пугачева! Сотни две их на тракте Симбирском нас ищут! Откуда взялись?… В дожди мы попали у Алатыря. Дорога оплыла там – хлещи не хлещи, так нам сюда свернуть присоветовали… Быстрей ехать нам надо, пока не разнюхали…

Императрица тем временем ходила взад и вперёд рядом с каретою, смотрела по сторонам, дёргала в руках ожерелье и даже бросила его в траву. Когда же лошади были готовы, она ожерелье подняла и нашему Ивану сказала:

– Приедешь ко мне в Зимний Дворец – я дам тебе наследуемое дворянство!

Всё тот же офицер помог ей подняться в карету, и возница, нахлёстывая лошадей, тут же погнал её в направлении Буинска. Позади неё скакали пять всадников.

На другой день утром на станцию из Буинска прискакал один из сопровождавших Екатерину офицеров.

– Где ожерелье императрицы?! – крикнул он гневно.

– Не могу знать, Ваше превосходительство! – разводя руками, сказал наш Иван и тут же добавил: – Когда Её Величество садились в карету, то ожерелье держали в руках. Все здесь это видели.

– Собрать всех! – крикнул офицер и спрыгнул с коня.

Собрал наш Иван всех ямщиков, почтальонов и дворовых. И все они, широко крестясь, подтвердили, что видели, как императрица садилась в карету с ожерельем.

Офицер стал ходить взад и вперёд молча, и затем упрямо сказал:

– Извольте искать! Искать ожерелье траве у обочин, в конюшне, в доме, везде!

Работники станции бросились во все стороны исполнять, но ожерелье не нашлось. Через два часа офицер сел на коня и, не сказав ни слова, умчался в направлении Буинска.

Была ли Екатерина II в краях наших в то время – никаких документальных свидетельств нет. Но, может быть, и была. По тракту Симбирскому она могла ехать тайно, и все сведения из-за конфуза с погоней могли быть вымараны по её личному указанию. В волжском городе Тетюши – хлебной столице края – в это время всегда стоит много судов. Кроме того, на Волге её мог ждать свой собственный парусник…

Получить наследуемое дворянство нашему Ивану, конечно же, хотелось. Но северная столица была далеко. И, кроме того, в пропаже ожерелья императрица могла винить его. Много лет Иван Иванович откладывал ту поездку, а потом Екатерина II умерла.

***

Все пять доходных мест Ивана Ивановича первого – почтовая станция, трактир, гостиница, каретная мастерская, да ещё сделки купеческие – позволили ему закрыть казённую ссуду и передать почтовую станцию старшему сыну Михею.

Сам Михей и все первенцы рода нашего по мужской линии – Алексей, Прохор, Семён и Степан – были поочерёдно смотрителями станции Мордовские Тюки. Все они содержали почтовую станцию, а также часовню в полной исправности и

имели со всех пяти доходных мест, устроенных Иваном Ивановичем первым, довольно прибыли. Младшие сыновья их брали своё наследство деньгами и становились купцами. Их дочери имели довольно приданого.

Но вот в конце XIX века старший сын Степана Семёновича Иван сказал ему:

– Не желаю я, тятя, как ты и все предки наши, дворянам кланяться! Хочу взять наследство моё деньгами и тремя орловскими рысаками, что ты купил недавно.

Отец любил своего первенца и дал ему желаемое. На всё наследство своё Иван тот купил луга заливные на реке Кубня, много трудился и выпестовал табун племенной орловских рысаков. К концу жизни прослыл он заводчиком, и к нему на Кубню со всей России приезжать стали богатые люди.

Старший сын его, что на генеалогическом древе у нас указан как Иван Иванович второй, получил в наследство часть табуна орловских рысаков и немного денег. На деньги те он очень удачно купил участок земли на реке Малая Цильна и поселился подле него в большом селе Убей. До Мордовских Тюков оттуда было недалеко. На новом месте Иван нанял бедняков местных валять валенки и на этом деле разбогател. Потом для обработки земли и для охраны табуна он стал нанимать мужиков, и ещё развёл огромную пасеку. Приносили ему деньжат и сделки купеческие.

И вот стал в начале XX века Иван Иванович второй купцом первой гильдии. Успех вскружил ему голову. Оттого стал он смотреть на всех людей свысока, и даже в дом свой въезжал на орловском рысаке.

Как-то раз, объезжая свои угодья, подъехал Иван Иванович второй к почтовой станции Мордовские Тюки. Как всегда, ворота её были открыты настежь, и на верхней перекладине висел российский герб. На крыльцо конторки как раз вышел его троюродный брат Федор – в светлом почти армейском кителе с фуражкою, в черных лаковых полусапожках. Увидев Ивана, он замахал рукою, и когда тот подъехал и слез, они обнялись.

Федор привёл Ивана в верхний зал трактира и усадил за круглый стол, накрытый белой скатертью. Тут же мальчик поднёс им большое блюдо с фруктами, много дорогих разносолов и ещё плетёночку с бутылкой казённой водки двойной очистки – «Белоголовки».

Сидят братья довольные, водочку разливают и об Иване Ивановиче первом с уважением говорят.

И тут Ивану фуражка Фёдора с округлой кокардой медною, лежащая на столе, на глаза попалась. Поморщился он, и с иронией говорит:

– Во как, брат! Пуговку, значит, на лбу носишь! А я сам себе голова! Да на меня на угодьях моих голытьба за медь пашет! И ежели я захочу, то и Москву куплю!

На то Федор только улыбнулся и сказал так:

– Не зазнавайся, брат. Бедняки-то твои богаче тебя будут! У них у всех жены и дети есть, а вот ты бобыль, и ничего у тебя окромя денег нет… Вот помрёшь ты, и золото твоё воронью, а ассигнации свиньям достанутся!

Пьян-пьян был наш Иван, но спорить не стал: подпёр он рукой щеку и призадумался. Все эти годы он работал много и всякую мысль о женитьбе откладывал на потом. И вот осознал сейчас, что время на то пришло. От мысли взять жену ради приданого он весь скривился. И там, в верхнем зале трактира, сидя за круглым столом, он вспомнил девицу Марию – сироту-бесприданницу, единственную дочь своей матери, что жила в их селе. Была она редкой красавицей, грамотна и умна. Отец её Гавриил Фомич был унтер-офицером и на японской войне погиб. Остался у неё дядя – монах-священник в одном из Казанских монастырей.

Задумавшись о женитьбе на другой день, понял наш Иван, что мила ему одна Мария. На другой день уже заслал он к её матери разряженных сватов с белой фарфоровой посудой и целым рулоном дорогого белого сукна… От неё сваты вернулись невесёлые и подарки принесли назад, а от Марии самой передали следующее:

– Спасибо за честь Вам, Иван Иванович, что с бедностью моей не посчитались! Но не нужен мне жених земной. Я по осени в Шамординский монастырь ухожу. Дядя похлопотал за меня, и игуменья-матушка принять согласилась…

Ну, нет, такой неудачи Иван второй стерпеть не мог. Он ведь всегда и во всём добивался своего! И тут решение он нашёл.

Есть у мордвы обычай. Если парень удал и тумаков не боится, то он может невесту из дома родительского украсть. Плохо, конечно, это, но что делать… Если жених невесту украл, то помолвка, считай, состоялась. Никто ведь другой краденую девку замуж не возьмёт. Вот и задумал Иван второй Марию украсть.

Подкараулил он её с двумя товарищами в сумерках у родника, куда она каждый день за водой с ведрами ходила. Напали на неё неожиданно, рот полотенчиком завязали, в ткань ту белую подарочную завернули и в дом к нему под сеном на

телеге привезли.

Развязал Иван наш Марию в светёлке, кружевами украшенной. За окном её был сад, а под окном сидел на цепи пёс.

И сказал наш Иван пленнице, глядя под ноги:

– Не бойтесь, Мария Гавриловна, я вас не обижу… Выходите за меня замуж, и тогда всё моё богатство вам и детям нашим достанется. Меня вы знаете, а я вас. Я неграмотный, но деньги считать умею. Зато вас люблю и очень уважаю! И всю жизнь любить буду… До завтра вы тут одна будете, подумайте обо всём. Мальчик вам на закате дверь отомкнёт, и идите куда хотите. Я же вас в саду ждать буду…

И было у Марии смятение чувств. Жених сватался к ней такой настойчивый, такой богатый и такой милый, что лучше и нет. Монастырь был ей милее, но поняла она тогда как-то сердцем, что путь ей туда закрыт… И действительно, замужество для неё оказалось спасением. Через несколько лет началась первая мировая война, и потом пришла страшная революция. Многих шамординских монахинь красноармейцы тогда шашками порубали, а над теми, кто покрасивее, и поглумились… И ещё у Марии болело сердце, так как знала она, что мать плачет и всюду её ищет. Нет, не могла она мать оставить одну. И, выплакав все слёзы, Мария вышла в сад, подошла к Ивану и сказала:

– Домой иду, Иван Иванович. На предложение Ваше я согласна…

На венчанье в село Шигали Иван и Мария ехали на почтовой тройке, разукрашенной лентами и цветами и радостно звенящей на всю округу. За кучера был смотритель почтовой станции Мордовские Тюки Сульдин Федор в форменной фуражке. Вслед за ними ехало много других кибиток. Рядом с невестою сидела её мать, плакавшая от счастья.

Семейная жизнь у Ивана и Марии была хорошей. Друг за дружкою родились у них два сына – Николай и Александр.

Мария Гавриловна принесла в дом мужа иконы Спаса Нерукотворного, Казанской Божьей Матери и Николая Угодника, Евангелие и Псалтырь. Всё это она поставила в переднем углу горницы на полочке, подходила сюда часто, и ими только жила. Почтальон приносил ей письма от дяди. Она все хранила их стопочкой, и время от времени перечитывала. Церковь была у них в соседнем селе. Иван не возбранял жене туда хаживать по дням воскресным и всем церковным праздникам. У него самого особой веры не было.

Так как Иван Иванович второй был купцом первой гильдии, то на первую мировую войну его не призывали. Но военные мобилизовали для фронта всех его рысаков орловских. Жизнь на селе становилась всё труднее.

В первые годы Советской Власти Ивана нашего раскулачили и вместе с женою отправили за Урал в ссылку, Магнитогорск строить. Брать с собой сыновей они побоялись и пристроили их у родни.

В советское время в селе Убей власти построили большую и редкую по тем временам школу-десятилетку. Николай и Александр Сульдины с отличием её закончили.

По окончании школы старший брат – Николай Иванович перебрался в Буинск, и нашёл работу торговую по кооперативной линии. Там он стал жить широко, совершил тяжкое преступление и по уголовной статье попал в тюрьму.

Младший брат – Александр Иванович жить остался в своей деревне, бригадирствовал на машинно-тракторной станции, женился на Зое Григорьевне, и было у них семеро детей.

Иван и Мария Сульдины много трудились в Магнитогорске, но срок им всё время прибавляли. Младший их сын, Александр, имел звание передовика производства, что открывало перед ним все двери. И вот он подал ходатайство куда следует о пересмотре дела своих родителей. Летом 1940 года ему дали нужную бумагу, и Александр сам привёз их в родное село. Во дворе дома своего он поставил бревенчатую избёнку, и с тех пор Иван и Мария жили спокойно.

К зиме того же года из заключения вышел Николай Сульдин. Он тут же и женился на однокласснице Акулине, что была в школьные годы в него влюблена. Акулина работала в школе учителем и жила одна в казённом доме.

Когда началась война, Иван Иванович второй был уже не призывного возраста. А сыновей его Николая и Александра в армию сразу призвали. Так как оба они имели полное десятилетнее образование и были женаты, то их послали на офицерские курсы.

В годы второй мировой войны Мария Гавриловна часто и подолгу молилась за своих сыновей. Но на всё Воля Божья. В 1942 году Акулина получила похоронку на старшего лейтенанта Николая Сульдина из-под Сталинграда.

Интересно отметить, что 7 ноября 1941 года на легендарном параде на Красной площади руководитель Советского государства Иосиф Сталин, после встречи с Матроной Московской, обратился к народу, как принято в православии:

– Братья и сестры!…

Самолет, пилотируемый личным пилотом Сталина, трижды облетел Москву с Казанской иконой Божией Матери, той самой, что 300 лет назад уже спасала Россию. Далее той линии, где была она пронесена, враг не прошёл. Точно так же иконы чудотворные пронесены были над Ленинградом и у Волги, на Сталинградском фронте. И там тоже враг дальше не прошёл.

Младший сын Марии Гавриловны Александр с фронта почти не писал. Как стало известно потом, в донских степях в 1942 году их часть окружили, и он попал плен. Немцы привезли его в грузовом вагоне в концлагерь в Германии. Но Александру с товарищем удалось оттуда сбежать. У линии фронта они напали на немецкого офицера и прихватили с собою его портфель с бумагами. За плен обоим им грозил трибунал, но документы в портфеле оказались важными, и наверху кто-то дело их велел замять. Александру вручили новые документы старшего лейтенанта, и он принял роту в одной стрелковой части. В 1944 году Александр получил пулевое ранение в грудь, попал в госпиталь, выжил. Вернувшись на фронт, он воевал в Германии.

Вот ещё один исторический факт. В 1945 году в Пруссии наши войска окружили мощную крепость Кенигсберг с многочисленными бетонными рубежами обороны, связанными подземными ходами, где засели большие силы немцев. Перед штурмом Кенигсберга наши бойцы видели странную картину. Вокруг бой идет. На передовую приехали генералы, и отдельно от них собралось человек сто монахов и батюшек. Монахи вынесли вперёд Казанскую икону Божией Матери, встали за нею с иконами, крестами и хоругвями и пошли прямо вдоль линии фронта в полный рост. И как только они запели – бой стих. Стрельбу как отрезало… А дальше произошло совсем невероятное. Фашисты побросали оружие и с криком «Мадонна!» побежали прочь.

По приказу генералов красноармейцы с громовым «Ура!» бросились вперёд и без единого выстрела взяли большой участок фронта…

Пленные немцы потом рассказывали:

– Перед штурмом Кенигсберга в небе появилась Мадонна. Все автоматы, пулемёты и вся техника отказала и не стреляла. Воля нас оставила, многие из нас вставали на колени, так как все поняли, Кто помогает русским!

И когда советские генералы вошли в Кенигсберг и увидели все укрепления и всю брошенную технику, они хватались за головы и восклицали:

– Да как?… Как мы смогли всё это взять?

В крымскую войну XIX века и в японскую войну начала XX века на передовую также привозили чудотворные иконы. Но в обоих случаях командующие заявили:

– Зря вы побеспокоили Богородицу! Мы и сами справимся…

И обе те войны Российская Империя проиграла.

В марте 1945 года в Германии наш Александр получил при артобстреле контузию. По выписке из госпиталя дали ему отпуск на 45 дней, чтобы поправить здоровье дома. После победы уже пришёл он в форме с погонами капитана и наградами в Буинск, в райвоенкомат, чтобы получить направление в часть, а его там сразу и демобилизовали.

Старший сын Александра – Михаил Сульдин – был очень одарён. После войны поступил он в Казанский Государственный Университет на физико-математический факультет. В те годы в Казани работала какая-то государственная комиссия, которая отбирала наиболее талантливых студентов. В число отобранных попал и наш Михаил. Но испытаний на центрифуге не выдержал. По здоровью его и списали. Потом увидел он на фотографии в газете ребят из группы той. Под ней было написано: «Первый отряд космонавтов». Всё это очень расстроило Михаила, но он не подавал вида. Жил он тогда в общежитии и неплохо подрабатывал написанием курсовых и дипломных работ по математике и физике на заказ. И любил наш Михаил без ума профессорскую дочку. Пару раз он даже гулял с ней. Но на пятом курсе неожиданно она вышла замуж… Михаил сразу запил, учёбу бросил, возвратился в деревню и там много лет пил.

И всё это было неспроста… Имел Михаил грех.

В годы советской власти все церкви вокруг села Убей были закрыты. Ближайший действующий храм находился в 45 километрах за Буинском, в селе Гришино. Ещё дальше, в селе Турминовском, церковь была в запустении, но рядом с нею, на кладбище, была часовня со списком с чудотворной иконы Иоанна Предтечи. Люди верующие приходили к ней со всей округи. Там читали они акафист Иоанну и общалась.

По возвращения из ссылки Мария Гавриловна места те стала посещать. Сначала четыре дня шла она до села Турминское, и на обратном пути приходила на службу в Гришино. Муж таких долгих её отлучек не одобрял, но в ссылке стал он смирным. Обычно дней за пять до церковного праздника Мария Гавриловна говорила мужу:

– Никак бражка в зелёной бутыли опять поспела…

Тут Иван Иванович становился уступчивым и, махая рукою, говорил:

– А, ладно-ладно, Мария, иди куда хочешь…

С давних времён повелось на Руси, что люди кладут на могилки близких своих хлеб, яички, конфеты и прянички, да рядом лавку ставят. Всё для странников, идущих по местам святым, полагается. Не страшно верующим среди могил, и не найти им спокойней места. Вот посидят странники на лавочке, скушают, что Бог послал, и за усопшего помолятся. Вот так и Мария Григорьевна в Турминово ходила – от кладбища к кладбищу.

Старшие шесть детей Александра Сульдина стали в школе идейными, и на добрую свою бабушку из-за веры её смотрели снисходительно. Но вот седьмой внук Анатолий полюбил бабушку вместе с Богом, и утром и вечером с ней молился. Ходил он с ней и на деревенские молитвенные посиделки, и несколько раз в Гришино причащаться.

Но Михаил, старший брат Анатолия, был «чересчур умным». Марксизм-ленинизм он от корки до корки на «пять» знал. И вот стал старший брат над младшим смеяться и назвать его тёмным, глупым поповским сынком. О материализме говорил он с жаром, с сияющим взором и очень убедительно. Анатолию всё это крыть было нечем, и вот однажды он решил стать как все. Вот потому так сложилась жизнь потом у нашего Михаила.

Учить безбожию детей в школе – это тяжкий грех.

Всех поразили и опечалили обстоятельства случайной гибели учительницы Акулины, вдовы нашего Николая. Но не из-за Михаила ли и Анатолия и других детей попущено ей такое?… У Акулины было кресло лакированное, плетённое из тальника, на низких ножках. Летом она выносила его на участок свой подле дома, и читала в нём книги. А чтобы поудобнее сидеть было, она ставила кресло на серый плитчатый камень. И вот так читала Акулина книгу, как вдруг на небе появилось облако, и ударило в неё молнией. Как сидела Акулина в кресле, так и сидит – ничуть ни изменившись, только мертвая. А вот камень тот, что был под креслом – вдребезги, и осколки вокруг разлетелись…

В августе 1979 года, на Троицу, младшая сестра жены Александра упросила мужа свозить Марию Гавриловну в храм села Гришина на причастие, а заодно и сына младшего окрестить. Был у них свой «Москвич» старенький. Так в тот день воскресный мужа по телефону в пять утра в сельсовет вызвали и долго не отпускали. Приехал он с пассажирами в Гришино только к концу службы. Собственно служба уже кончилась, и многие прихожане расходились. Но когда Мария Гавриловна наша в храм тот вошла, лица у всех бывших в нём

засветились. Все они окружили её и говорили:

– Вот радость так радость! Сама матушка Мария прийти к ним изволила! Благословите меня, матушка!… И меня! И меня…

Мария Гавриловна застыла в молчании, и на лице у неё появлялся то испуг, а то улыбка. А потом она поклонилась всем и тепло и трогательно сказала:

– Нет, не правы вы, сёстры! Не монахиня я! Есть дети у меня, и внуки, и правнуки!

А потом стала она всех обнимать и целовать, и крестом благословлять.

И только тут приехавшие с Марией Гавриловной увидели, что она является сущим ангелом. Все в том храме любили её. А так как приходила она из дальних мест в черном, да ещё и с молодой послушницей Анной, то все и решили, что она тайная монахиня – наставница. И ещё ведь знала Мария всю службу церковную наизусть и могла по памяти часами читать акафисты и псалмы.

Священник Марии тоже был рад. Он исповедовал её и причастил, и мальчика, что с нею был, окрестил.

Потом Мария Гавриловна долго ходила по всему храму, подолгу стояла подле икон, плакала, обнимала и целовала их.

Когда богомольцы наши собрались в обратный путь и все дверцы машины захлопнулись, Мария Григорьевна, вздохнув, сказала:

– Всё мы сделали: и крещение, и причащение состоялись. Последний раз тут я была.

До поздней осени Мария Гавриловна много благодарила сноху Зою, её сестру и её мужа, что в храм её отвезли. При всякой встрече она целовала и крестила их.

Жизнь была тогда трудная. В семье Анатолия – моего отца – было пять детей, а тут ещё ребёнок наметился… Мама решила аборт сделать. Однако в тот день, когда ей дали результаты анализов для операции, Мария Гавриловна спокойно умерла.

В той поездке в Гришино мама моя рядом с Марией Гавриловной сидела. Вспомнив всё, что там было, и все её благословения, мама сказала:

– Ладно, есть у нас пять детей, пусть и шестой будет.

И родилась у неё двойня. Так что бабушка наша даже смертью своей спасла две жизни. И вот самый младший, седьмой сын её седьмого внука, стал священником…

Девица Анна – спутница Марии Гавриловны по святым местам – была сиротой-блокадницей из Ленинграда. Иван с Марией приютили её во время войны в своём домике, а потом стали считать за дочь. Анна так и не вернулась в Ленинград и осталась жить на селе, возле Марии Гавриловны. Кто-то из местных отдал ей старый домик на окраине села нашего Убей. Света в нём никогда не было, но всегда были весёлые детские голоса. Анна ведь была мамой для 30 крестников. Все они очень любили её и помогали ей. Младший мой брат не застал в живых Марию Гавриловну, но в школе один только образ мамы Анны свёл для него на нет все доводы марксизма-ленинизма…

***

Поехал я к брату двоюродному в Кайбицкий район на юбилей. Было это 7 июля – день памяти Иоанна Предтечи. И решил я заехать в село Турминское, в храм, чтобы поклониться чудотворной иконе его. Смотрю – деревня деревней, а припарковать машину-то негде. Подле церкви авто везде стоят, и даже лимузины черные. Ну, встал…

В храм я зашёл перед началом службы. Народу было много, бабули в основном, конечно. Однако стоят смирно и не шушукаются. А у правой стены отдельно семь или восемь мужичков в черных костюмах стоят. Лица у них напряженные, и все они свечи витые зажженные будто сабли держат. А между ними и паствою ребята крепкие прохаживаются и церковь глазами обшаривают. Дело понятное – секьюрити.

Когда на клиросе вступление дочитали, то Врата Царские отворились, и на амвон вышел сухонький старичок с седыми длинными волосами, в серебристой мантии. На вид ему было лет восемьдесят, а глаза – голубые-голубые – молодые, живые. Обошёл он с кадилом дымящим весь храм, встал перед всеми на солее и в глубокой тишине стал слабенько петь. Вначале пение его подхватил хор, а затем все прихожане стали подпевать. Мужики в костюмах черных ожили и смотрят вокруг радостно и свободно. Батюшка на прихожан глядит, глаза у него – сварка! Ну как было тут удержаться, и я тоже стал петь, хотя и слов не знал толком. Смотрю – те, в черном, тоже подпевают… И вдруг мне стало легко-легко, и всё вокруг стало невесомым. Потом весь храм с фундаментом, стенами и всеми, кто в нём был, поднялся и полетел в другое измерение…

И вот всё это рассказал я юбиляру с женою.

А она мне и говорит:

– Ой, милой! Да если бы всего того в Церкви не было, то мы, бабы-дуры, разве б в неё ходили?!

***

Перед отъездом с марийской дачи Степан Сульдин подвёл итог сказанному:

– Вот смотри… В середине XVIII века Иван Иванович первый дал обет Богу. Неизвестно точно, что пообещал он, думаю, сказал так: – «Господь мой, Иисусе Христе! Ты знаешь, чего я хочу… Устрой дело, а я Тебе за то всю жизнь правдой служить буду!»

И обет тот Бог, похоже, принял. Ведь Иван Иванович станцию почтовую на откуп получил. Но были у него и другие желания. В смелых и несбыточных мечтах хотел он стать дворянином – и стал им. Имел даже шанс получить для себя всех потомков своих наследуемое дворянство, но сам его упустил. Хотел наш Иван стать купцом 1-ой гильдии, иметь луга заливные на реке Кубне и ещё табун племенных рысаков орловских – и всё это было дано потомкам его. Хотел он, чтобы его в роду были храбрые офицеры – в годы второй мировой войны и это тоже исполнилось.

И думаю я, ещё хотел Иван Иванович первый, чтобы был в его роду священник. И доводы в пользу этого есть следующие. Рукоположен брат мой младший в священники с именем Владимир – как и тот иерей, что вышел в XVIII веке из лесу у поклонного креста. На первое служение брат мой был послан в Буинский район. Потом он переведён был в храм ваш новый, в Дербышки. Храм тот, как и икона иерея Владимира в XVIII веке, называются одинаково – «Успение Божьей Матери». А стоит храм в Дербышках на краю огромных дербышенских ям, поросших лесом. В XVIII веке в них собралось всё воинство Пугачева перед взятием Казани. Сейчас в том месте стоят белые трамплины, а в наибольшую из ям ведёт горнолыжный спуск с подъёмником…

Предок наш Иван Иванович первый смог установил личные взаимоотношения с Богом с нравственной стороны, и ни с какой другой стороны приблизиться к Нему невозможно. Сам по себе обет, данный Богу – это великая сила. Он может любого грешника к спасению души вывести. Надо только пообещать Богу что-то существенное и то исполнить. В писаниях святых отцов примеров тому множество.

Наверняка дал наш Иван Иванович первый обет Богу широко: «Ты знаешь, чего я хочу… Устрой дело…» – думая только о «Почтовом конкурсе». Но за «служение правдою» Бог дал ему и поболее: что ему самому, сколько сам он взять смог, а

всё остальное – его потомкам.